

А. И. Болтунова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ИБЕРИИ

(*Доклад, читанный 1 декабря 1955 г. на заседании Ученого совета
Института истории материальной культуры*)

Вопрос о возникновении и путях развития государства является одной из важнейших проблем исторической науки, и, в частности, весьма важным представляется выяснение этого вопроса применительно к истории стран Закавказья.

Народы Закавказья впервые столкнулись с государством как социальным институтом в лице урартского царства, завоевавшего южные области страны; однако, повидимому, власть урартов ограничилась эксплуатацией подвластного населения, но не затронула социально-экономических отношений в среде местных племен, которые продолжали жить в условиях первобытно-общинного строя, хотя урартское завоевание, очевидно, не могло не способствовать ускорению процесса формирования классового общества у этих племен.

Задачей историка является решение вопроса, когда и в какой обстановке в среде местного населения Закавказья был достигнут такой уровень развития производства, обмена и накопления богатств, который привел к возникновению частной собственности, разделению общества на классы и созданию государственной власти для удержания в становлении эксплуатируемого большинства.

Древнейший период истории Грузии стал предметом систематического исследования учеными кавказоведов еще с начала XX в.

В 1905 г. Н. А. Джавахишвили в работе «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» впервые дал весьма полную сводку и анализ античных литературных источников в сопоставлении с данными грузинской исторической традиции. Труд этот, свободный от националистических предрассудков, не мог все же дать решение вопроса о возникновении государства в Грузии, поскольку автор был чужд марксистской теории социально-экономических формаций.

И. А. Джавахишвили был далек от понимания различия между первобытно-общинным строем и классовым обществом, создавшим государство, и поэтому считал возможным существование родового строя, как основы социальной жизни, с государством, и даже полагал, что родовой строй у грузин неоднократно восстанавливался вновь¹. Во всех

¹ Н. А. Джавахишвили, История грузинского права, I, Тбилиси, 1928, стр. 152—163 и 157.

его трудах проводится господствовавшее в начале XX в. представление о переселении грузинского народа на территорию современной Грузии из юго-западных областей (северо-восточная Малая Азия). Поэтому он не использовал известные к тому времени материалы раскопок из окрестностей Мцхеты, как не относящиеся к древнейшему прошлому грузинского народа¹, и начинал исследование социального строя древней Грузии только с эпохи Страбона.

Первая попытка освещения вопроса о возникновении государства в Грузии с позиций марксизма-ленинизма была сделана С. Н. Джанашиа в его книге «Грузия на путях ранней феодализации» (1937)². Разделяя традиционную точку зрения о переселении грузинского народа из Передней Азии, он констатирует первичность его развития на «новой родине». В горных областях был родовой строй (например, у сванов), на равнинах — развитые рабовладельческие общества (Иберия и Колхида)³. Эти развитые рабовладельческие отношения были, по мнению Джанашиа, присущи в готовом виде из отдаленной прародины. На рубеже нашей эры рабовладельческие отношения в Грузии сосуществовали с феодальными; С. Н. Джанашиа определяет Грузию эпохи Страбона как общество переходного типа, стоящее на пути к феодализации. Другая работа его посвящена выяснению вопроса о «прародине» грузин, о той «прародине», откуда они якобы привнесли с собой свой язык, культуру и государственность⁴. По мнению С. Н. Джанашиа, это — страна саспейров — «одного из четырех величайших народов Передней Азии», занимавшего территорию от Черного моря до Персидского залива. Для эпохи политического упадка Урарту и раннеахеменидского времени страна саспейров тождественна, по мнению С. Н. Джанашиа, с конструируемой им страной Субарту, которую он идентифицирует с Тубалом. Сообщение хроники «Обращение Грузии» о переселении Азо в Мцхету С. Н. Джанашиа понимает как свидетельство перенесения политического центра саспейров с юго-запада на северо-восток. Оставляя в стороне вопрос этногенеза грузин в трактовке С. Н. Джанашиа, отметим лишь, что С. Н. Джанашиа не делал попыток проследить социально-экономическое и политическое развитие этого народа «в процессе перехода от их древнейшего, так сказать переднеазиатского бытия, к новому, вполне историческому времени — кавказскому периоду» (ук. соч., стр. 655). Таким образом, вопрос о времени возникновения классовых отношений и государственной власти (в виде теократической монархии на прародине), не говоря о местных корнях грузинской культуры на Кавказе и этапах ее развития, в работах Джанашиа поставлен не был. Не случайно поэтому, что, несмотря на большие открытия Мцхетской археологической экспедиции, проводившейся под его руководством, С. Н. Джанашиа в работах своих основывался главным образом на анализе нарративных источников и анализе этнографии и топонимики.

Между тем решающее значение в этом вопросе принадлежит именно археологии. За последние 30 лет в Грузии проведены большие археологические работы, давшие богатейшие результаты. Обработка материалов раскопок Триалети⁵ с учетом стратиграфии могильника Самтавро дала

¹ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, кн. 1, изд. 3. Тбилиси, 1928, стр. 5 (на груз. яз.).

² См. 2-е изд.: С. Н. Джанашиа, Труды, т. I, Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).

³ Там же, стр. 136.

⁴ С. Н. Джанашиа, Древнее национальное свидетельство о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока, ПЯИМК Груз. ФАН СССР, т. V—VI (1940), стр. 633—694 (на груз. яз.).

⁵ Б. А. Куприянов, Археологические раскопки в Триалети, I. Опыт периодизации памятников, Тбилиси, 1941.

возможность в основном решить вопрос о периодизации археологических памятников Грузии¹ и Закавказья. Б. А. Куфтин первый смело поставил вопрос о древнейших местных корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии², а научный коллектив Мцхетской археологической экспедиции сумел выявить примерную археологическую грань между памятниками, принадлежавшими первобытному обществу на стадии его разложения, и памятниками эпохи рабовладельческих отношений. Благодаря этому для освещения вопроса о возникновении классовых отношений и государства в Грузии мы располагаем данными археологических материалов из раскопок окрестностей Мцхеты, т. е. той территории, где возник первый государственный центр Грузии.

Между тем концепция, созданная С. Н. Джанашиа, оказала столь глубокое влияние на работы грузинских ученых, что даже археологи до совсем недавнего времени высказывали мысль о принесении сложившихся классовых отношений на территорию Внутренней Картли извне, рассматривая основание Армазского царства в Мцхете как «перенесение политического центра». Под «предками грузинского народа» понималось население широкой территории Передней Азии и Кавказа от Средиземного моря до Кавказского хребта, известное «под названием различных племен и народов»³.

Лишь в последнее время концепция эта стала подвергаться пересмотру. Я имею в виду работу Г. А. Меликишили «Наири-Урарту», изданную в 1954 г. Г. А. Меликишили внес очень серьезные корректизы в концепцию С. Н. Джанашиа, однако он не счел возможным подвергнуть критическому разбору ошибочные построения С. Н. Джанашиа по вопросу этногенеза (отметив лишь недостаточно дифференцированный подход к народам и языкам древнего Востока). Поэтому в труде его остались не вполне преодоленными представления С. Н. Джанашиа об этнической общности населения древней Месопотамии, Малой Азии, Ирана и Закавказья в силу преувеличения сходства картвельских языков с языками народов древнего Востока: шумерским,proto-хеттским, хурритским и др. Неясно изложен у Меликишили и вопрос о роли мушков в возникновении иберского государства: с одной стороны, он говорит, что в Малой Азии в VIII—VII вв. «существуют единые крупные, несомненно, уже государственные, образования мушков и табалов» (стр. 410), а с другой, что «при образовании Восточно-грузинского царства (Иберии) с центром в районе совр. Мцхета определенную роль сыграли отдельные племена месхов (мушков)...» (стр. 421). Таким образом остается неясным, к какому времени относил Г. А. Меликишили возникновение государственности у грузинских племен.

Вопрос об этническом названии иберов — создателей древнегрузинской государственности — ставился в отечественной науке неоднократно, начиная с первого десятилетия XX в.: Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа связывали название «ибера» с тубалами, тибарами и саспейрами и стремились проследить прямую преемственность от тубалов к иберам в процессе передвижения грузин от места их перво-

¹ А. Н. Каландадзе, Периодизация памятников Самтавро, резюме доклада на Ленинградской сессии по археологии Закавказья, ВДИ, 1948, № 3, стр. 171—172; КСИИМК, 24 (1949), стр. 4—5; Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в советской Грузии, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.); Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в Мцхете, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

² Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, ВМГ, т. XII, В (1944), стр. 291—397.

³ Г. Ф. Гобеджишвили, ук. соч., стр. 3.

начального расселения в Малой Азии в Восточную Грузию. В последнее время вопрос этот подробно трактован Г. А. Меликишивили.

В настоящее время наиболее распространенным считается предположение о прямой генетической связи или даже этническом тождестве саспейров Геродота с иберами Страбона и других античных авторов. Место поселения саспейров определяется указанием Геродота: «Из Колхиды недалеко уж перейти в Мидию, между этими странами живет только один народ (Ξένος) — саспейры» (I, 104). Саспейры, согласно Геродоту (III, 94), вместе с алародиями и матиенами составляли XVIII податной округ государства Ахеменидов. Алародии во времена Геродота занимали правый берег Аракса в среднем его течении и район озера Ван, а матиены — район вокруг озера Урмия. Таким образом, во времена Геродота под саспейрами понимали племена, жившие в горном районе верховьев рек Чороха, Аракса и Евфрата. Никаких сведений об их политическом и общественном строе Геродот не дает, но через несколько десятилетий, на рубеже V и IV вв. через эту страну прошел Ксенофонт, который дает подробные сведения о племенах, живших на этой территории. Ксенофонт саспейров уже не упоминает, а дает описание жизни отдельных племен, выступающих каждое под особым названием: фасиапы в верховьях Аракса, таохи в бассейне правых притоков верхнего течения Чороха и жившие к западу от них геспериты. Основой их хозяйства было скотоводство, а земледелие, если оно и было, играло незначительную роль. Ксенофонт описывает «укрепленные места» (*χωρία*) таохов, которые «не представляли собой городов и не имели домов», а служили лишь для укрытия населения вместе со скотом в случае нападения врага. Эти *χωρία* были расположены в труднодоступных местах — на скалах, над крутыми обрывами, где можно было защищаться от врага, сбрасывая камни со скал (Анаб., IV, 7, 1—14). Это описание Ксенофonta никак не свидетельствует о наличии на той территории, где локализуются саспейры, классового общества или, тем более, «государства», как это представлял себе С. Н. Джанашия¹. Перед нами картина первобытно-общинного строя с обычными для этой ступени развития межплеменными распрями из-за пастбищ и нападениями на соседей ради захвата добычи и угона скота.

Племена, объединявшиеся Геродотом под собирательным названием Σάσπειρες (греч. собират. префикс *sa* и основа *sper*), принадлежали к числу горных племен западногрузинской (мегрело-чанской) ветви, владевших в районе верхнего Чороха одним из главных очагов рудных залежей; развитие их в первые века I тыс. до н.э. было связано с прогрессом у них металлургии и скотоводства. Поэтому не лишено основания предположение, что после ослабления сильного союза племен Диаухи (греч. название *Tάοχοι*) и падения Урарту мог существовать союз горных племен, возглавленный обитателями области Спер (в верхнем течении реки Чороха)², почему племена, входившие в этот союз, и объединялись под общим названием саспейров.

Изучение памятников культуры поздней бронзы II и начала I тыс. до н. э. показало наличие двух больших производственных и культурных районов. Первый (район так называемой колхидской культуры бронзы), обнимающий бассейны рек Риона и Чороха, юго-восточное Причерноморье (до Артвина и Орду), долину верхней и отчасти средней Куры, и второй — район восточной Грузии, между речьми Куры и Аракса и доли-

¹ С. Н. Джанашия, Древнее национальное свидетельство ..., стр. 691.

² Древний этнический саспейров («спер») сохранился у Страбона в названии этой области «Сиспирита» (XI, 4, 8; 14, 12).

на среднего течения Аракса¹. Однако распространение двух типов бронзовых изделий на территории двух указанных больших районов не являлось отражением заселения каждого из этих районов однородным этническим массивом. Так, в западном Закавказье из урартских текстов известно о существовании нескольких хурритских и хуррито-картвельских объединений племен, связанных культурной общностью. То же самое следует сказать о центральном Закавказье, где обитали наряду с картвелами северокавказские и урартские (в среднем течении Аракса) племена, разные по языку, но близкие по характеру культуры.

Археологические материалы² свидетельствуют о проникновении на территорию древней Гогарены и Внутренней Картли племен — носителей колхидской культуры бронзы на рубеже II—I тыс., когда в этом районе наблюдается взаимодействие колхидской и центрально-закавказской культуры. Взаимодействие этих двух культур, как это видно на материалах из могильника Самтавро, распространялось вплоть до района Мцхеты.

Процесс этнической консолидации грузинских племен, начавшийся, повидимому, еще в VIII—VII вв. до н. э., стал протекать особенно интенсивно с конца VII — начала VI в.³ Этническая консолидация западногрузинских племен началась в горно-металлургическом районе юго-восточного Причерноморья и распространилась путем разрастания основного этнического ядра на северо-восток через область мосхов в район Внутренней Картли, что следует, вероятно, объяснить ведущей в то время ролью металлургии Западного Закавказья, откуда поступала основная масса металла⁴. Распространению этого процесса на юг и запад путем ассимиляции соседних племен препятствовал аналогичный и не менее интенсивный процесс в соседнем юго-западном районе консолидации армянских племен, ассимилировавших хурритские племена на территории Армянского нагорья. В то же самое время на территории Внутренней Картли происходила консолидация восточногрузинских племен картов-картийцев, ассимилировавших обитавшие там северокавказские племена⁵. Однако материал источников не дает никаких оснований утверждать наличие в то время как у саспейров и мосхов, так и у восточно-грузинских племен сформировавшегося классового общества и государства. Поэтому совершенно бездоказательным остается и утверждение, что государство на территории Грузии впервые возникло в ее юго-западных районах и что лишь позднее политический центр этого государства передвинулся из области Слер в район Мцхеты. Подобное утверждение основывается, повидимому, на смешении двух различных, хотя и связанных до известной степени, вопросов: вопроса о времени и месте возникновения государства как социального института с вопросом этногенеза. Между тем история знает немало случаев возникновения значительных объединений племен, не переступивших еще порога классового общества. Для решения вопроса о времени и месте возникновения в Грузии государства необходимо прежде всего попытаться выяснить, где и когда на ее тер-

¹ А. А. Нессеи, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120 (1935), стр. 150—160; он же, Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады, М.—Л., 1939, стр. 95—98; Б. А. Куприн, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры . . . , стр. 313.

² Б. А. Куприн, Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 68; он же, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры . . . , стр. 228; О. М. Джапаридзе, Бронзовые топоры Зап. Грузии, СА, XVIII (1953), стр. 287—288; Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника, КСИИМК, XLVI (1952), стр. 55 и 59.

³ Г. А. Меликишвили, Нарын-Урарту, стр. 404 и 415.

⁴ Т. Н. Чубинишвили, ук. соч., стр. 59.

⁵ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 405.

ритории возникает классовое общество — безусловная предпосылка возникновения государства.

В этом отношении решающая роль принадлежит данным археологии. Для освещения вопроса о возникновении государства необходимо прежде всего проследить процесс общественного развития на той территории, где впоследствии возник центр Иберского государства. В погребениях могильника Самтавро, датируемых рубежом II—I тыс., можно констатировать зачатки имущественного расслоения, которое знаменует начало формирования классового неравенства. Здесь среди массы рядовых погребений выделяются погребения знатных воинов с большим количеством разнообразного бронзового оружия и глиняных серых и чернолощеных орнаментированных сосудов различной формы¹. Как бронзовые, так и гончарные изделия отличаются высоким уровнем производственного мастерства. Кости животных в погребениях, изображения на бронзовых поясах и фигурки животных указывают на охоту и скотоводство как основу хозяйственной жизни, а множество оружия говорит о межплеменных столкновениях ради добычи и борьбы за превосходство. Обострение же межплеменной борьбы, несомненно, знаменует собой начало разложения первобытно-общинного строя. Для всего Закавказья это был период существования мощных союзов племен, таких как Диаухи и т. п. К этому времени относится и появление в погребениях племенной знати² отдельных образцов железных ножей и кинжалов. Постепенно, как показывают раскопки в Самтавро, железные орудия начинают все больше вытеснять бронзовые. Распространение железа способствовало развитию земледелия и ремесла. Для этого периода типичны материалы раскопок могильника и земледельческого поселения в Двани (VII—VI вв.), где найдено железное оружие, каменные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов³. О развитии земледелия в районе Самтавро свидетельствует погребение на молотильной доске, датируемое VIII—VI веками⁴.

Прогресс земледелия и ремесла и связанное с этим развитие межплеменного обмена имели своим следствием переход гегемонии от скотоводческих племен к племенам земледельческим, жившим в предгорных и равнинных областях. Именно этими причинами и было, очевидно, обусловлено возвышение Мцхеты, с ее выгодным местоположением в богатом земледельческом районе на скрещении путей, связывавших через Дарьял Северный Кавказ и долину Арагвы с Закавказьем и долину Куры через Сурамский перевал с долиной Риона и Черным морем.

Значение Мцхеты как центра наиболее развитого в социально-экономическом отношении района нашло отражение и в грузинской исторической традиции. Автор начальной части Картлис-Цховреба Леонтий Мровели рассказывает, что город Мцхета был построен на мысу у слияния Куры и Арагвы Мцхетосом, сыном Картлоса, который поселился там и благодаря этому господствовал над страной от Арагвы до Сперского (Черного) моря, являясь «правителем» (*гамгэ*) и «владыкой» (*уп'али*) над своими четырьмя братьями, которые ему повиновались. После смерти Мцхетоса начались распри между его сыновьями, и «не слушались они брата своего Уплоса», который был отцом своим оставлен на престоле Картлоса «владыкой». «Владычество (*уп'леба*) было дано ему отцом». Они продолжали воевать

¹ Т. Н. Чубинишвили, ук. соч., стр. 58 и 60.

² Г. А. Ломтадзе, ук., соч., стр. 53—55.

³ С. И. Макалатиа, Раскопки Дванского могильника, СА, XI (1949), стр. 225—240.

⁴ Т. Н. Чубинишвили, Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XII (1951), № 1; Г. А. Ломтадзе, ук. соч., стр. 56.

друг с другом, и борьба продолжалась долгое время, «и никто не был среди них ни самым знатным (*уп'арчинебули*), ни самым именитым (*усахеловани*), но повсюду ставили они главарей (*т'авадни*). Тот, кто был во Мцхете, стоял над всеми остальными, и не назывались они ни царями (*мен'e*) ни эриставами (*эрист'ави*), а отцами дома (*мама-сахлиси*), и он был примирителем и судьей всех картлосидов, так как город Мцхета стал более других городов велик и назывался материю-городом (*деда к'алак'и* и — столица)»¹.

Здесь, несомненно, изображается период распада первобытно-общинного строя. Не случайно подчеркнуто отсутствие царя. В главарях надо видеть военных предводителей, старейшин знатных родовых коллективов, оспаривавших господство у главы союза — «владыки» (*уп'али*).

Право на «владычество» давало обладание важнейшим экономическим центром Мцхетой, превращавшимся таким образом в будущий центр политического господства. В предании о Мцхетосе, несомненно, нашло отражение экономическое и политическое преобладание племен месхов (месхов)² в этот период.

Возникновение и развитие Мцхеты как большого и богатого поселения следует связывать с господством в этой области западногрузинских племен в эпоху поздней бронзы, а борьбу за обладание Мцхетой нужно относить к эпохе раннего железа и вытеснения западногрузинского элемента в этом районе, что и находит свое подтверждение в археологических материалах³. Таким образом, господство месхов в данном районе следует относить к началу I тысячелетия до н. э. и связывать с эпохой, предшествовавшей вторжению скифов в Закавказье.

Сам город Мцхета, насколько можно судить по литературным источникам, при слабой его археологической изученности, представлял вначале общинное поселение, во главе которого стоял глава общины (*ма.на-сахлиси*), и не был укреплен. Попаряду с возникавшими городами (КЦ, стр. 5), развивавшимися из крупных земледельческих поселений и превращавшимися в центры ремесла и межплеменного обмена, появлялись и крепости (КЦ, там же), возведенные военными предводителями (КЦ, стр. 4—6), служившие опорой и средоточием их власти и укрытием накопленных и награбленных в результате войн богатств. Эта борьба между отдельными племенами за преобладание продолжалась с неослабевающей силой и во время вторжения в Закавказье скифов, которых Леонтий Мровели называет хазарами (КЦ, стр. 7—8).

Именно к этому времени относятся богатые погребения V—IV веков в Ахалгори⁴, и Цинцкаро⁵, которые свидетельствуют о богатстве народившейся племенной аристократии.

Так, в составе инвентаря женского погребения с конем, в ущелье Ксани на территории Картли, в 1908 г. найдено множество золотых украшений — браслеты, шейные гривны, ожерелья, нашивные бляшки, пояс из листового золота, перстни-печати с резными изображениями фан-

¹ Картлис-Цховреба (список царицы Анны), изд. Ин-та ист. АН Груз. ССР под ред. С. Г. Каухашвили, Тбилиси, 1942, стр. 5—7 (на груз. яз.) (далее — КЦ).

² Связь названия «Мцхета» с названием месхов (месхов) давно установлена в науке, см. Н. Я. Марр, История термина «Абхаз», ИАН, 1912, стр. 704; И. А. Джавахишвили, История грузинского народа¹, Тифlis, 1913, т. I, стр. 89, повторяет ту же мысль, подкрепляя ее соображениями об историческом значении этого факта, а именно — господствующего положения месхов (месхов) среди других грузинских племен в данном районе.

³ О. М. Джапаридзе, Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII (1953), стр. 287—288.

⁴ Я. И. Смирнов, Ахалгурский клад, Тбилиси, 1934.

⁵ Б. А. Куприн, Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 34—41.

тастических животных на щитке, изощренной работы золотые серьги, украшенные зернью, среди которых особого внимания заслуживают подвески в виде парных фигуров коней, украшения конского убора, серебряные чаши — патеры, бронзовые конские удила и обломки бронзовы сосудов¹. В женском погребении, обнаруженном в 1940 г. на р. Алгети близ сел. Цинцкаро (в Триалети), найдены серебряные перстни-печати, электровые и серебряный с золотой обкладкой браслеты, серебряные и стеклянная чаши — патеры, электровые наглазники и нагубники и бронзовый треножник в виде трех соединенных, согнутых в колено человеческих ног, бронзовые конские удила².

Оба эти погребения указывают на далеко западную классовую дифференциацию, выделение местной аристократии. Драгоценные предметы, частью привозные из Передней и Малой Азии, относимые к широкому кругу так называемого Ахеменидского искусства (серебряные чаши, золотые украшения), частью местные (золотые перстни и браслеты) указывают на высокий культурный уровень того социального слоя, к которому принадлежали погребенные, на широкие экономические и культурные связи с ахеменидским Ираном, Сирией, Малой Азией и Кипром. Перстни-печати, несомненно, местного производства, свидетельствуют о наличии установившейся частной собственности. В то же время бронзовые предметы (сосуды, конские удила, колокольчики) отражают теснейшие (бытовые и культурные) связи с древними традициями местной кавказской культуры бронзы.

Таким образом, как археологические данные, так и показания грузинской исторической традиции говорят нам, что общество в районе Внутренней Картли в V—VI вв. стояло на пороге государства. Это обстоятельство позволяет отнести с особым вниманием к данным грузинской исторической традиции, которая датирует возникновение армазского царства эпохой Александра Македонского и диадохов.

Картлис-Цховреба и «Обращение Грузии» сообщают о походе Александра Македонского в Картли, завоевании им Мцхеты и взятии ряда крепостей в окрестностях этого города. Уходя, Александр оставил там правителем Азо, согласно «Обращению Грузии», царевича из Аран-Картли³, по Картлис-Цховреба — македонца, родственника Александра (КЦ, стр. 12—13). Против него восстал Фарнаваз, племянник мцхетского мама-сахлиса, убитого Александром. Фарнаваз нашел опору в лице династов соседних областей. В Картлис-Цховреба рассказывается, что в ответ на обращение Фарнаваза за помощью к Куджу, правителью Эгриси (Колхида), тот заявил: «Ты потомок правителей Картли и ты имеешь право господства над нами... если это нам дано, то ты наш владыка (*уп'али*) и я твой раб (*мона*)» (КЦ, стр. 16). Воспользовавшись затем поддержкой Антиоха — царя Сирии (имеется в виду Антиох I, правивший восточной частью государства Селевкидов еще при жизни Селев-

¹ Я. И. Смирнов, Ахалгорийский клад.

² Б. А. Кутин, Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 34—41, табл. VII—XII в.—к.

³ Е. С. Такайшили, Источники грузинских летописей, Три хроники, «Обращение Грузии», пер. с груз. с коммент. Е. С. Такайшили, СМОМПК, вып. 28, Тифлис, 1900, стр. 79. Здесь Е. С. Такайшили дает несколько иной смысл, понимая слово «Аран» как имя царя Картли. Мной приведено это свидетельство грузинского источника в том осмыслении, которое дал ему С. Н. Джанашия. Древнее национальное свидетельство..., стр. 644—655: «Аран» — определение к слову Картли, следовательно, географическое название, причем С. Н. Джанашия предлагает чтение «Ариан» вместо «Аран», подкрепляя это тщательным текстологическим анализом. Однако толкование слова «Ариан», предложенное С. Н. Джанашией, как страны Хари-Хурри лишено всякого основания.

ка), Фарнаваз победил Азо, павшего в битве, объявил себя царем, утвердился в Мцхете, построил укрепленный вышгород Армазис-Цихе на правом берегу Куры, против города Мцхеты, учредил государственный культ Армаза, организовал центральное и территориальное управление, создав административные округа (КЦ, стр. 16—18), и стал, таким образом, основателем царства.

Сведения эти, несмотря на легендарные подробности (поход Александра в Грузию), интересны тем, что точно указывают дату основания царства — эпоху диадохов. Интересно и указание на связи правителей Закавказья с диадохами, в частности с Селевкидами. Азо в борьбе против Фарнаваза ориентировался на некоего Бизанта, «владевшего Грецией и Картли и построившего Византий» (возможно, что имеется в виду Лисимах); Фарнаваз получил помощь от Антиоха, правившего «Ассирией» (Месопотамией), Арменией и восточными областями и построившего город Антиохию (КЦ, стр. 13), которому обещал признание своей зависимости от него (*μεσαχυρέβα*). Антиох назвал его «сыном», оказал воинскую помощь и прислал царскую диадему (КЦ, стр. 16). Эти данные о связях с диадохами подтверждаются косвенно и античными источниками, указывающими на заинтересованность Селевка Никатора в исследовании и освоении речного пути по Риону и Куре для переброски товаров из Черного моря в закаспийские страны (Strabo, XI, 2, 15 и 7,3) и знакомство Патрокла и Эратосфена со странами Закавказья (Strabo, II, 1, 41; XI, 2, 15), в частности с Картлией. Связи эти оборвались после того, как северные области Малой Азии отошли от Селевкидов; кончилась и зависимость преемников Фарнаваза от Селевкидов.

Археологические материалы Мцхеты, в свою очередь, подтверждают, что именно к III в. до н. э. можно относить формирование иберийского государства. В Самтаврском могильнике вместо прежних архаических погребений в могильной яме, выложенной булыжником, инвентарь которых отражает быт скотоводов и воинов, сначала III в. появляются грунтовые могилы с иным составом инвентаря, а затем — с рубежа III—II вв. — погребения в больших глиняных сосудах — пифосах (груз. *квеври*). Отсутствие костей животных в погребениях и самый обряд погребения в сосудах, служивших для хранения вина и других продуктов земледелия и садоводства, говорит о переходе преобладания от скотоводства к земледелию. Вместо прежней чернолощеной керамики в составе погребального инвентаря появляются сосуды из тонкой отмученной глины красного обжига, свидетельствующие о ремесленном гончарном производстве. Значительно увеличивается также количество привозных бус (из стекла и пасты), впервые появляются перстни с печатями — геммами и стеклянные печати («литики»), что говорит о существовании частной собственности. Очень характерным признаком является отсутствие в этих погребениях оружия (встречающиеся лишь изредка кривые железные ножи служили для обрезки лозы¹). Это, возможно, указывает на разоружение народа. Кувшинные погребения рисуют быт мирного земледельческого населения. Данный могильник содержит лишь рядовые погребения. Погребения знати этой эпохи не были обнаружены. Вероятно, они были сосредоточены не возле Мцхеты, а около Армазис-Цихе, и пока не обнаружены раскопками.

Раскопки, произведенные на холме Багинети, на правом берегу Куры, против впадения Арагвы, где локализуется построенная Фарнавазом Армазис-Циха («Армозика» в передаче Страбона), обнаружили относящиеся к этому периоду (III—II вв. до н. э.) крепостные сооружения (обо-

¹ Г. А. Ломтадзе, ук. соч., стр. 57—62.

ронительная стена внутри цитадели), монументальное здание с крышей, опиравшейся на помещенные внутри здания колонны, и другие помещения. Эти строительные остатки указывают на высокую технику строительного искусства из тесаного камня и сырцового кирпича, близость к архитектурным традициям Сирии и Малой Азии и знакомство мастеров с эллинистической культурой¹.

Как ни скучны эти данные, но вместе с данными письменных источников они дают основание утверждать, что в начале III в. в Иберии уже сложилось классовое общество и государство. Этот вывод подкрепляется и восходящими к I в. до н. э. (заимствованным у Феофана Митиленского²) известием Страбона, который писал: «Иберия прекрасно населена в большей части городами и поселками, так что там встречаются и черепичные кровли, и согласное с правилами зодчества устройство жилищ, и рынки и другие общественные здания» (XI, 3, 1).

Возникновение государства в Иберии относится к тому периоду истории Малой Азии и Закавказья, когда в среде местных племен завершался тот же процесс классообразования, что и в Иберии. Не случайно поэтому возникновение в этот же период царств Понтийского, Каппадокийского и Вифинского во главе с представителями местной, не греко-македонской, знати.

После возникновения иберийского государства в нем долго еще сохранялась этническая пестрота и разница общественно-бытовых укладов. Так, Страбон, сведения которого заимствованы от Феофана Митиленского (I в. до н.э.), рассказывает, что равнинная часть Иберии была заселена теми иберами, которые «занимались более земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски» (XI, 3, 3). Здесь, несомненно, имеются в виду не только формы хозяйства и материального быта, но и самый классовый строй общества, напоминавший Страбону соседние Армению и Мидию. «Горную же часть, — продолжает Страбон, — населяет воинственное большинство, живущее по обычаям скифов и сарматов, с которыми они находятся в соседстве и в родстве. Впрочем, занимаются они и земледелием, и в случае какой-либо тревоги набирают как из своей среды, так и из тех (έξ ἑκείνων) много десятков тысяч воинов» (там же). Это говорит о том, что земледелие у горцев играло второстепенную роль, основой их хозяйства было скотоводство, а указание на «жизнь по обычаям скифов и сарматов» свидетельствует о наличии у этих племен первобытно-общинного строя, сближавшего их со скифами и сарматами. Обитатели горных районов отличались свойственной периоду разложения первобытно-общинного строя воинственностью и являлись для государства главным источником военной силы.

Известный текст Страбона является важнейшим источником для суждения о политическом и общественном строе Иберии: «И четыре рода (γένη) людей населяют страну. Один и самый важный, из которого ставят (καθιστάσι) царей, по родству ближайшего (с предыдущим царем. — А.Б.), а по возрасту старейшего, причем второй (из них) творит суд и предводительствует войском. Другой (род) — жрецов, которые пекутся также о правовых отношениях с соседями. Третий род — воинов и земледельцев. Четвертый род — людей (το τῶν λαῶν), которые являются царскими рабами (βασιλικοῖς δοῦλοι) и доставляют все необходимое для жизни. Именья

¹ И. Н. Цицишилии, Строительное искусство древней Грузии по материалам раскопок Багинети, резюме доклада на научной сессии ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, в январе 1948 г., КСИИМК, 24 (1949), стр. 18.

² А. И. Болтурова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ, 1947, № 4, стр. 159.

(αὶ κτῆσις) у них общие по родству, а заведует и распоряжается каждым старейшина»¹.

Текст Страбона рисует деление общества на четыре слоя, из которых первый, игравший главную роль в стране, представлял собой аристократию. Из ее среды и выходили правители страны, цари Иберии. В понимании выражения πρῶτον γένος нельзя согласится с точкой зрения И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, которые видят в нем «царский род» в узком значении этого слова, т.е. царскую династию². Это противоречит всему контексту данного места Страбона, рисующего социальный состав общества и сообщающего сведения об эксплуатации этим «родом» зависимых земледельцев, что не может быть особой привилегией одного родового коллектива или одной семьи.

Как ни лаконично известие Страбона о политическом строе Иберии, оно дает очень много. Хотя в этом известии и содержится прямое указание о наследовании царской власти ближайшим и старшим родственником предыдущего царя³, тем не менее оно все же, несомненно, свидетельствует о значительной архаичности политического строя страны, сохранившего пережитки строя военной демократии. Из текста Страбона ясно видно, что царская власть уже стала прочной наследственной привилегией знати, резко отмежевавшейся от остального народа, но каков именно был порядок наследования — из этого текста не видно, так как выражение «ближайший по родству» достаточно неопределенно: здесь мог подразумеваться как сын, так и брат предыдущего царя, или даже его дядя или племянник⁴ (например, по сестре, как мы это встречаем в обществах с сильными пережитками матриархата). Данные грузинской исторической традиции показывают, что в последующее время царская власть, как правило, переходила от отца к сыну⁵, однако встречаются и случаи, когда царю, имевшему сына, наследовал все же не он, а брат царя⁶. Достаточно выразительно и сообщение Тацита, который о Фарасмане I (середина I в. н. э.) говорит, что он *gentile imperium obtinebat* (Апп., VI, 32); если бы в Иберии уже был твердый обычай наследования от отца к сыну, Тацит, несомненно, выразился бы иначе. На шаткость порядка наследования указывает, возможно, и известие Тацита (там же) о расприх между Митридатом и Фарасманом. Слова Страбона, что второй представитель «рода, из которого ставят царей», творит суд и предводительствует войском, И. А. Джавахишвили и вслед за ним С. Н. Джанашиа понимали в том смысле, что па эти области государственной жизни власть царя не распространялась, и видели в этом ограничение царской власти⁷.

¹ Страбо, XI, 3, 6. Данные сведения мы считаем восходящими к Посидонию, следовательно, отражающими картину общественного и политического строя середины II в. до н. э. (см. А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 159 сл.).

² И. А. Джавахишвили, История грузинского права, т. I., Тбилиси, 1928, стр. 170; С. Н. Джанашиа, Грузия на путях ранней феодализации..., стр. 136.

³ Ср. С. Н. Джанашиа, Грузия на путях ранней феодализации..., стр. 136—140.

⁴ В этом отношении интересно известие КЦ, стр. 14, что основатель иберийского царства Фарнаваз был племянником мхетского (сыном сестры — КЦ, стр. 15) мамакалиси.

⁵ Об этом свидетельствуют известия Картлис-Цховреба о случаях усыновления иберийскими царями лиц, которых они хотели сделать своих наследниками; см. КЦ, стр. 20: усыновление Саурмагом перса Мирвана; стр. 23: Бартом, не имея сына, усыновил мужа своей дочери, внука сестры Фарцаваза.

⁶ См. И. А. Джавахишвили, История грузинского права, I, стр. 174—175, приводит из «Обращения Грузии» ряд примеров наследования престола братом царя, при наличии у царя сына (время введения в Грузии христианства).

⁷ И. А. Джавахишвили, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, 1905, стр. 17; С. Н. Джанашиа, Грузия на путях ранней феодализации..., стр. 145.

Известия же других античных авторов о конкретных событиях, во время которых цари Иберии выступают как командующие войсками, ведущие дипломатические переговоры и творящие суд, И. А. Джавахишвили объяснял нарушением нормальной жизни в результате иноземного влияния, а С. Н. Джанашиа тем, что Страбон описывал лишь теоретическую норму, от которой отличалась конкретная действительность. Действительно, у Тацита (*Ann.*, XIII, 37) Фарасман I по собственному усмотрению предает казни своего сына Радамиста; во время войны с Помпеем иберским войском командовал также сам царь (*Dio Cass.*, XXXVII, 1—5; *App.*, *Mithr.*, 103); царь же (Фарасман) лично предводительствовал войском и в войне против парфян, которыми командовал сын парфянского царя Артабана (*Tac.*, *App.*, VI, 33—35). Однако, с другой стороны, выполнение обязанностей главнокомандующего братом царя засвидетельствовано стихотворной эпиграфией Амазаспа, брата царя Митридата, командовавшего иберийским вспомогательным отрядом в армии Траяна и погибшего в Месопотамии (*IGR*, III, 133).

Традиция занятия высших государственных должностей членами царской семьи свидетельствует о неразвитости государственного аппарата и сильных еще пережитках родового строя. Это явление характерно для многих раннерабовладельческих монархий. Так Аппиан сообщает, что после смерти Масиниссы царство его, самый титул, сокровищница царя и государственные доходы составили общее владение всех трех его сыновей, которые вместе управляли государством, поделив между собой функции царской власти (*RR*, XVI, 106). Старший из них владел столицей и царским дворцом, второй ведал делами войны и мира, третий творил суд над подданными. Следовательно, Масинисса рассматривал свое царство как родовую собственность и права и обязанности управления ею разделил между всеми наследниками. В других раннерабовладельческих монархиях цари имели ближайшего помощника, на которого царь возлагал часть своих обязанностей. Так, у арабов-набатеев царь имел заместителя — элитропа (*επίτροπος*) из числа своих товарищей, который носил титул «брата» (*Strabo*, XVI, 4, 21). Пережиток этого явления наблюдается и в эллинистических монархиях. При дворах Селевкидов, Лагидов, Митридата Евпатора и др. «родственниками царя» объявлялись лица, ничего общего с царским родом не имевшие. Это было почетное звание, даруемое царским приближенным, которое давало им право на занятие высших государственных должностей.

С развитием государственной власти в Иберии и государственного аппарата место этого «второго» члена царского рода заняло высшее должностное лицо «элитроп» — заместитель царя, назначавшийся царем из высшей иберийской знати (конец II в. н. э.)¹.

В том же смысле следует понимать и роль жрецов, которые «пекутся о правовых отношениях с соседями». Это не означает, что дела внешних сношений не были подведомственны царю. Самый термин «попечение» (*ἐπιμέλησις*) говорит о поручении им этих функций вышестоящей властью. И действительно, из источников мы видим, что все вопросы о войне и мире, например, с римлянами, парфянами, Арменией, цари решали сами, и, надо думать, что лишь оформление их, связанное с клятвами и культовыми обрядами, поручалось жрецам.

Обращаясь к характеру общественного строя Иберии в описании Страбона, следует прежде всего разобрать данные о третьем и четвертом «родах» иберийского общества. Третий «род» воинов и земледельцев И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа справедливо рассматривают как ос-

¹ Г. В. Церетели, Армазская библиография, Тбилиси, 1941, стр. 65.

новную массу населения, свободных мелких производителей. Этот слой населения, составлявший народ-войско, обозначался грузинским термином *эри*. С. Н. Джанашша, подробно исследовавший вопрос об *эри*, отмечает, что данный слой иберийского общества, сложившийся еще в недрах военной демократии, во времена, описанные Страбоном, продолжал еще составлять большинство населения, но утратил уже свой основной признак, характеризовавший его в эпоху первобытно-общинного строя,— суверенную власть сходки народа-войска, решавшего все дела племени и избиравшего вождя племени¹. В условиях классового общества этот слой постепенно теряет прежнюю роль в общественной жизни, поскольку на смену верховной власти вооруженного народа эпохи военной демократии приходит отделенная от народа публичная власть царя и аристократии, опиравшаяся на служившую ее интересам армию. Во главе этого общественного слоя становится вышедшая из его же среды военно-рабовладельческая знать, военные предводители — воеводы, присваивавшие себе общинные земли и львиную долю военной добычи. Они закрепляли права военного предводительства за своими родами и, накопив богатства, превратились постепенно в мелких территориальных владетелей, эриставов, в каковой роли их и застало возникновение государственной власти². В пределах возникшего государства эриставы, как представители военно-рабовладельческой знати, превратились в правителей административных округов, соединявших на своей территории в своих руках военную и гражданскую власть. Зainteresованность их в создании и укреплении царской власти объяснялась прежде всего стремлением закрепить свои права на участие в военной добыче, свои родовые привилегии на подвластной им территории, на захваченные ими в частную собственность общинные земли, а также и на свою роль в жизни государства (КЦ, стр. 17—18).

Этому общественному слою противопоставляется Страбоном «четвертый род» — «люди», или «царские рабы», доставлявшие царскому роду «все необходимое для жизни». Исследователи давно уже пришли к выводу, что в них следует видеть не рабов в собственном смысле этого слова, а впавшее в зависимость от царского рода местное население, имевшее свою древнюю общинную организацию и обязанное в форме натуральных и трудовых повинностей обслуживать царский род. И. А. Джавахишвили еще в 1905 г. справедливо сопоставлял их с малоазийскими *λαοί*, упоминающимися в надписи Лаодики о продаже ей Антиохом II деревни Паннукоме. И. А. Джавахишвили далее отметил, что *λαοί*, как группа зависимого населения, не представляла тогда в Иберии широко распространенного явления, так как эксплуатация их составляла привилегию лишь «царского рода»; данные Страбона отражают первоначальный этап развития этого института в Грузии³. С этим выводом, однако, нельзя согласиться, так как он основывается на понимании «первого рода, из которого ставят царей» в Иберии, как царской династии, между тем как здесь следует подразумевать целый общественный слой — военную аристократию. Джавахишвили сделал также неправильный вывод о сходстве их с римскими колонами. С последними сближал их и С. Н. Джанашша, неправильно считавший их безземельными арендаторами, сидевшими на царской земле, и в характере эксплуатации их видевший зарождение феодальных отношений⁴. Ошибочность этой точки зрения очевид-

¹ С. Н. Джанашша, Грузия на пути ранней феодализации..., стр. 164.

² Каковым был, например, Кудж в Эгриси.

³ И. А. Джавахишвили, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, стр. 72.

⁴ С. Н. Джанашша, Грузия на пути ранней феодализации..., стр. 19 сл.

на. Работами советских ученых установлена разница между зависимыми крестьянами *λαοί* и колонами. Первые являлись крестьянами-общинниками, исконными жителями и собственниками обрабатываемой земли, обязанными лишь платить натуральные взносы господину, номинальному собственнику. Ответственность же за взносы — коллективная, всей общины, представитель ее — староста общины. Между тем колон — безземельный арендатор чужой земли.

О наличии у «царских рабов» общинной родовой собственности и родовых старейшин прямо говорит Страбон. Если римский колонат отражал начало распада развитых рабовладельческих отношений, то институт иберийских *λαοί* отражал слабо развитые рабовладельческие отношения, когда благодаря относительно низкому уровню развития производительных сил и обмена рабский труд не находил еще достаточно широкого применения для производства сельскохозяйственных продуктов специально на рынок. Да и имущественное расслоение было еще не так сильно, чтобы создался значительный слой безземельных крестьян, труд которых мог бы быть вытеснен взятыми в плен или купленными рабами.

Помимо «первого и важнейшего рода, из которого ставят царей», к господствующему классу Иберии принадлежал также и «род жрецов», существовавший за счет эксплуатируемого населения. Для освещения положения знатного иберийского жречества С. Н. Джанашиа привлекает данные Страбона о хозяйственной жизни святилища луны в соседней Албании. Согласно этим данным, в святилище жрецом служит «наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной землей, обширной и хорошо населенной, а также и „священными рабами“ (иеродулами)¹. В Иберии упоминается богатейшее святилище Левкотеи, и вряд ли есть основание сомневаться, что там дело обстояло также. Таким же образом было организовано хозяйство святилищ и в Армении, и в Каппадокии, и в Понте.

Иберийских жрецов С. Н. Джанашиа считает древнейшим господствующим классом. Выдвижение их в качестве рабовладельческого класса он связывает еще с «отдаленными южными районами», откуда, по его мнению, пришли грузины на Кавказ.

Теория миграции грузинских племен «из отдаленных южных районов» на свою теперешнюю родину с развитыми классовыми отношениями, сложившимися на южной прародице на базе развития садово-огородной культуры в условиях развитой ирригации, непонятна уже сама по себе. Слишком трудно реально представить, чтобы земледельческий народ, да еще с развитой ирригационной техникой и классовыми отношениями, снимался с обжитых мест и целиком переселялся в отдаленные страны. Что же касается положения «священных рабов», то основным аргументом С. Н. Джанашиа для доказательства, что эксплуатируемое население принадлежащей святилищам земли следует считать рабами, служит не анализ данных Страбона о святилище луны в Албании и сообщений его о подобных же святилищах в Каппадокии, Понте и Армении, а замечание о том, что если эксплуатация «колонов» являлась исключительной привилегией только царского рода, то жрецы должны были эксплуатировать не «колонов», а рабов. Между тем указание Страбона, что жрец луны в Албании владел «хорошо населенной землей», указывает на эксплуатацию местного, сидевшего на земле населения, а не рабов. Известно, что положение «священных рабов» в Албании и Иберии, как и в Малой Азии, мало чем отличалось от положения «царских рабов». Древ-

¹ Страбон, XI, 4, 7; С. Н. Джанашиа, Грузия на путях ранней феодализации..., стр. 157 сл.

ность происхождения власти жрецов и положение их как древнейшего господствующего класса в Иберии не подлежит сомнению. Но «священных рабов», составлявших население «священных территорий», вряд ли можно считать рабами в прямом смысле слова с большим основанием, чем «царских рабов», называвшихся *λαοί*.

Таким образом, ни наличие «священных рабов» святилищ, дававших доход жрецам, ни наличие «царских рабов», снабжавших царский род продуктами своего хозяйства, никак не отражают развитых рабовладельческих отношений, а напротив, свидетельствуют о слабом развитии этих отношений, о том, что в Иберии тогда рабы еще не были основной производящей силой.

Отсутствие упоминания рабов в описании социального строя Иберии у Страбона понятно, поскольку они не считались членами иберийского общества, не имели собственной социальной организации и вообще не считались за людей. Однако, поскольку у нас имеются все данные предполагать наличие частновладельческих поместий у иберийской знати и частной собственности на землю на территориях, принадлежавших городам, и в первую очередь Мцхеты, можно предположить и применение там рабского труда. Впрочем эти вопросы при современном уровне археологического изучения Иберии остаются пока открытыми.

Следует также отметить отсутствие упоминания Страбоном в составе иберийского общества ремесленников и купцов, между тем как наличие их несомненно. На это прежде всего указывают слова о городах с общественными зданиями и рынками, а также находки монет, относящихся уже к тому времени, о котором пишет Страбон, правда для того времени еще немногочисленные. В поселениях это — селевкидские и парфянские монеты, начиная со II в. до н. э., в погребениях — парфянские драхмы с начала I в. до н. э. Археологический материал раскопок Багинети и инвентарь кувшинных погребений также содержит ремесленные изделия не только привозные, но и местные, изготовленные ремесленниками-профессионалами, работавшими для рынка. В первую очередь это надо сказать о гончарных изделиях, посуде и черепице, отдельные экземпляры которой сохранили знаки гончаров или владельцев керамических мастерских¹. Детальному освещению вопроса о развитии ремесла и торговли в Иберии последних веков до нашей эры препятствует слабая изученность городов и поселений этого времени, да и из погребений этого периода известны лишь принадлежавшие рядовому населению, т. е. среднезажиточному слою жителей Мцхеты.

На основании этих скучных материалов можно лишь сделать предположение, что в торговле того времени значительную роль играли иноzemные купцы, главным образом сирийцы и евреи, сосредоточенные в городах и обитавшие в специальных кварталах вокруг рыночной площади. Они были организованы в особые общины по этнической принадлежности. Сведения об этих кварталах иноzemных купцов и ремесленников и о ярмарках в городах Иберии, относящиеся, правда, к более позднему времени, содержатся в Картлис Цховреба и хронике «Обращение Грузии».

Для характеристики иберийского города очень важно отметить, что это были города, владевшие землями. Об этом свидетельствует археологически установленный факт занятия жителей Мцхеты земледелием. Об этом прежде всего с достаточной ясностью говорит самый обряд погребений в больших глиняных сосудах, служивших для хранения зерна и жидких сельскохозяйственных продуктов. С самого начала своего возник-

¹ И. Н. Ципшишли, К изучению мцхетской античной черепицы, «Сообщения АН Груз. ССР», т. IX (1948), № 8, стр. 517—524.

новения иберийские города, как это можно судить на примере города Мцхеты, представляли крупные земледельческие поселения, сначала родовые, затем сельские общины, возглавленные старейшиной. Расположенные выгодно на торговых путях и в плодородных местностях, они приобретали в дальнейшем значение торгово-ремесленных центров, но продолжали оставаться самоуправляющимися общинами. Управлял ими глава городской общины, продолжавший носить традиционное название «отца дома». Так, Леонтий Мровели сообщает, что основатель иберийского царства Фарнаваз был племянником мцхетского *мама-сахлиси* (КЦ, стр. 14). Следовательно, в период, непосредственно предшествовавший образованию государства, город Мцхета находился под управлением главы общины, должность которого сохранилась, повидимому, и после возникновения государства и построения крепости Армазис-Цихе как средоточия царской власти.

Судя по прочности родовых традиций в среде иберийской знати, к которой принадлежали *мама-сахлиси* городов, власть их должна была быть наследственной в определенных родах и они принадлежали к высшей родовой знати.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

Государство в Иберии возникло в начале III в. до н. э., как непосредственный результат длительного процесса развития производительных сил и разложения первобытно-общинных отношений, протекавшего у ряда грузинских племен в Закавказье, в частности — в Грузии, особенно на территории Внутренней Картли. Процесс этот завершился расколом общества на антагонистические классы.

Таким образом, классовые отношения и государственная организация иберийского общества не были занесены в Иберию извне, в результате массового переселения или завоевания этой страны, а сложились на месте.

Древнейшим государственным центром Иберии был город Мцхета, как крупнейший центр ремесла и торговли, и примыкавшая к нему крепость Армазис-Цихе, возникшая как укрепленный центр государственной власти.

